

I.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ОДНОГО

ПИСАТЕЛЯ РОМАНОВЪ.

Всякій челоуѣкъ, описывающій свое
путешествіе , есть — лжець.

Страбонъ.

НАМЪРЕНИЕ.

Ну, послѣ этого, прошу въ Россіи жить!

М. Н. Загоскинъ (въ ком. недовольные).

Одинъ разъ я ходилъ большими шагами по своей комнатѣ. Я былъ сердитъ. Да и какъ не быть сердитымъ!—со мною сдѣлалось предосадное дѣло,—именно: я написалъ романъ;—знаете ли что такое написать романъ?—Это не то, что испечь

блинъ комомъ!—Ну такъ вотъ-съ, я написалъ романъ, прекрасный, удивительный; его напечатали; я закурилъ мою сигару и, довольный самъ собою какъ нельзя больше, ждалъ себѣ похвалъ и удивленія. Что же бы вы думали?

— Помилуй!—сказалъ мнѣ мой пріятель въ одно утро заставъ меня дома,—помилуй! что тебѣ пришло въ голову отдать въ печать такой вздоръ?—

— Какъ вздоръ? чортъ возьми! Почемужъ ты думаешь, что мой романъ вздоръ?—

— Да въ немъ нѣтъ ничего романческаго, отвѣчалъ несносный, — романъ твой, извини меня, похожъ на старыя вѣтошки, на которыхъ ты, думая написать картину, намалевалъ самую дурную лубочную декорацію!—

Зависть!—подумалъ я, и спокойно продолжалъ курить мою сигару.

— Ты съ ума сошелъ, — говорилъ мнѣ мой другъ, оставшись со мною съглазу — наглазъ, — посмотри, что ты склеилъ за сочиненіе и къ чему ты его назвалъ романомъ и къ чему ты его допустилъ быть напечатаннымъ? развѣ у насъ мало подобныхъ *писака* (писака — прошу замѣтить) и ты хочешь увеличить сонмище — этихъ, безъ милосердія наводняющихъ наши типографіи, помилуй, пощади наборщиковъ! —

— Фу — чортъ возми! — да чѣмъ же романъ мой хуже какого нибудь романа историческаго, хоть напримѣръ***? —

— А чѣмъ же онъ лучше какого нибудь романа нравственно — сатирическаго, хоть напримѣръ М. 18.. въ Т. Пнмр. и проч.

Хм!, подумалъ я, онъ не выикнулъ въ сущность моего сочиненія! — Отряхнулъ сигару и продолжалъ пускать дымъ.

» Произведеніе, выданное такимъ-то, и писалъ мой критикъ, которому попался романъ мой, и сдѣлаеть удивительной *переворотъ* въ торговлѣ: мы не купимъ ни одной обнови, ни одного « — (мнѣ право совѣстно: простите ему такое выраженіе, вѣдь это запомните купимъ мы, то есть критики!) » *тирога*« (впрочемъ критики наши, говорятъ иногда еще и не такія вещи), » обернутыхъ въ чистую оберточную бумагу: она будетъ вся печатная, или ужасно должна повыситься цѣна на трепье—такъ много у насъ писателей! «

— Э любезный! сказалъ я, видно ты не въ оченъ хорошемъ расположеніи духа читалъ мое произведеніе; непременно недоспавъ и неумывшись, то есть минуты двѣ спустя послѣ бранн съ любезной своею половиной!—Я поморщился, плюнулъ въ сторону и съ наружнымъ спокойствіемъ продолжалъ докуривать кончикъ моей сигары.

— Какъ мило написанъ романъ вашъ!— сказала мнѣ миленькая восемнадцати лѣтняя брюнеточка.

Мнѣ казалось, что я вдругъ вспрыгнулъ и ударился головою объ солнце— такъ меня и охватило полымемъ.

— Сколько въ немъ самыхъ сентиментальныхъ сцѣнъ, продолжала прелѣстная читательница моего романа, закусивъ нижнюю губку, вѣроятно отъ удовольствія,—въ особенности какъ нѣженъ герой вашего романа..... какія сцѣны.....

Я только хотѣлъ разсыпаться въ благодарности за ея вниманіе и жаловаться на злость другихъ..... Она вдругъ — шмыгъ!—и скрипнула за собою дверь!— Я еще не одумался что бы это значило, какъ услышалъ, что она, въ другой комнатѣ, кинувшись лицомъ въ подушку, заглушала свой какъ колокольчикъ звон-

кій хохотъ!.... Фрр!.... и теперь еще у меня отъ него трещить въ ушахъ и сердце ходить ходенемъ!.... Я бросилъ мою сигару и, вотъ какъ вы изволили видѣть, злой на людей какъ нельзя болѣе, ходилъ большими шагами по своей комнатѣ.

Кончено!.... бѣгѹ, бѣгѹ моего отечества! Какъ гонимый, какъ жертва зависти,—нѣтъ—злобы *неосновательной!*—и ни вы милостивые государи, ни вы милостивыя государыни не будете болѣе читать моихъ романовъ! да, вы ихъ не увидите. А у меня есть теперь одинъ написанный и какой!.... О, какой!....—но кончено, вамъ—то не видать его!

Куда же мнѣ дѣваться съ нимъ? — куда?.... Вотъ прекрасно!—Развѣ свѣтъ такъ малъ, что именно въ одномъ только мѣстѣ можно печатать?—я ѣду туда—туда, гдѣ дарованія пробиваютъ себѣ об-

ширный путь несмотря на зависть, туда, гдѣ тлѣютъ кости твои несравненный Шакспирь! Словомъ — я ѣду въ Англію!.... Но я не знаю Английскаго языка? Я буду говорить по Французски, я незнаю по Французски?.... Гмъ, постойте, я читалъ гдѣ-то, что любовь прекрасный самоучитель, что стоитъ только влюбиться въ женщину и тотчасъ будешь говорить языкомъ ея отечества, хоть будь она Камчадалка! — Точно, я приѣду въ Англію, приищу себѣ миленькую, хорошенькую дѣвушку — а тамъ такъ много хорошихъ — и навѣрное, не болѣе — черезъ двѣ недѣли, буду какъ природный Британецъ читать стихи Байрона! — Рѣшено, я ѣду въ Англію!....

ОТЪѢЗДЪ.

Прости Москва, пріюпть родимый!....

Θ. Н. Глинка.

— Прости Москва ! Простите мѣста родимыя!—Я оставляю васъ съ тоскою, но безъ сожалѣнія!.... Люди, злыя люди разлучили меня съ тобою моя родина!....— (эти выраженія были всѣ изъ моего романа). Я отеръ по слезникъ съ каждаго